

RESUME**D.K. Sapabekov PhD***Innovative University of Eurasia (Pavlodar)***A.O. Iskakova***Secondary General School No. 28 (Pavlodar)****Role of a proverb and saying in the Kazakh literature***

Proverbs and sayings are the expressions taken from literary works used by people as well as well-aimed sayings which express deep and wise meaning.

The authors present the analysis of proverbs and sayings and their role in the literature. Knowledge of people on the world around and household life is expressed in them as well as the short and emphatic result of long-term and sometimes centuries-old supervisions is given

Key words: *proverbs, sayings, oral national literature, history, opinion*

УДК 821.111:821.161**Т.О. Левицкая**

Каменец-Подольский национальный университет
имени Ивана Огиенко (Украина, г. Каменец-Подольский)

Имаготип иудея: от Вальтера Скотта до Николая Гоголя

Аннотация. *Используя новейшие методы исследования одной из новейших отраслей компаративистики – имагологии, автор статьи исследует исторические, культурологические, социологические и психологические аспекты имаготипов иудея в романе В. Скотта «Айвенго» и повести Н. Гоголя «Тарас Бульба».*

Ключевые слова: *имагология, имаготип иудея, романтизм, роман, образ Чужого, Вальтер Скотт*

Период романтизма в Европе отмечался интенсивным процессом формирования наций и секуляризации общества, поэтому в центре поисков романтиков, находилась проблема трансформации религиозного сознания и кристаллизации национальной идентичности, которая стала стержневой в творчестве многих писателей. Процесс формирования национальной идентичности в литературе рассматривается с перспективы бинарной оппозиции «своего» и «чужого», которая в современной науке является основополагающей для изучения проблем индивидуальной, коллективной, национальной идентичности. По мнению культуролога Гасана Гусейнова, в кризисные моменты переосмысления своей идентичности, когда собственная культурная традиция в представлении людей подорвана, образы «чужих» культур, осознанно или нет, приобретают особенный смысл [1, с. 137]. В современном мире межрелигиозных, наднациональных и глобальных диалогических тенденций исследование представлений одних народов о других, которые сформировались в процессе их длительных контактов, является одним из актуальных направлений исследований в различных науках, а коммуникативно-рецептивные аспекты в литературе продолжают все больше интересовать литературоведов.

Учитывая актуальность этой проблематики, следует рассмотреть ее в сфере литературоведческой имагологии, как соотносятся религиозные стереотипы, распространенные в обыденном сознании, и литературные имаготипы, использующиеся для создания художественного эффекта.

Объектом исследования выступает один из романов В. Скотта «Айвенго», повесть Н. Гоголя «Тарас Бульба». Предметом исследования выступает религиозный имаготип иудея, который конструирует не только индивидуальные черты, но и религиозную идентичность изображаемых персонажей, представляя их определенные признаки как «типичные» для адептов данной религии.

Во время исследования нами широко использовались методологические достижения в области современной имагологии – а именно идеи, изложенные в трудах М. Беллера [2], Х. Дизеринка [3], Ж. Леерсена [4], М. Кадота [5] и других. Проблемы формирования и интерпретации религиозных имаготипов в художественной литературе периода романтизма исследовали В. Будный [6], И. Варрак [7], Дж. Вотт [8], Д. Наливайко [9], Д. Райли-Смит [10], В. Орехов [11] и др.

По мнению С. Дудакова, к началу периода романтизма имаготип иудея, созданный в мировой литературе христианскими писателями независимо от их этнического или национального происхождения, создавался на полностью определенных мифологемах и имел двойственную природу: с одной стороны, старозаветная история определяла «высокий имиджевый стиль», а из другой – уже

евангельской традицией был сформирован «низкий имиджевый стиль» иудея [12, с. 64]. Характерно, что образ иудея в средневековых литературах мусульманского мира негативного имиджа не имел [13, 489].

С начала XIX века литературные произведения европейских стран понемногу проникает образ «позитивного» иудея. Однако мастера художественного слова на родине Шекспира все же продолжали оставаться под воздействием грандиозной фигуры сурового венецианского купца Шейлока. Одним из первых англоязычных писателей, который создал положительный имидж иудея, был Вальтер Скотт. Для русской литературы этого периода иудей был инородным элементом и находился вне ее пределов. Одним из первых, кто ввел имидж иудея в русскую литературу, был Николай Гоголь.

В романе Скотта «Айвенго» идет речь о молодом саксе по прозвищу Айвенго, который, попадая в различные приключения, однажды был спасен иудейкой и иудеем. Следовательно, два образа, которые нас интересуют в этом романе, – это ростовщик Исаак и его дочка Ревека. В первый раз мы встречаем Исаака в замке Седрика Сакса, куда он попросился на ночлег: *«Introduced with little ceremony, and advancing with fear and hesitation, and many a bow of deep humility, a tall, thin old man, who, however, had lost by the habit of stooping much of his actual height, approached the lower end of the board. His features, keen and regular, with an aquiline nose, and piercing black eyes; his high and wrinkled forehead, and long gray hair and beard, would have been considered as handsome, had they not been the marks of a physiognomy peculiar to a race which, during those dark ages, was alike detested by the credulous and prejudiced vulgar, and persecuted by the greedy and rapacious nobility <...>»* [14, с. 62]. Автор подчеркивает, что его внешность могла бы заслуживать уважение, если бы некоторые черты не так резко разоблачали его принадлежность к племени, которое в те темные века было предметом ненависти и преследований.

Первые упоминания об иудеях в повести Н. Гоголя «Тарас Бульба» поданы в конце первой главы, когда Тарас с сыновьями приезжает на Сечь, где он желает посмотреть на *«первые подвиги их в ратной науке и бражничестве, которое почитал тоже одним из главных достоинств рыцаря»* [15, с. 30]. Кроме казаков Сечь была *«загромождена мастеровыми, тут же отправлявшими ремесло свое, и людьми всех наций, наполнявшими это предместье Сечи, которое было похоже на ярмарку и которое одевало и кормило Сечь»* [15, с. 31]. Среди этих *«людей всех наций»* особенно привлекали внимание *«побуждаемые сильною корыстью жида, армяне и татары, которые осмеливались, как отмечает автор, «жить и торговать в предместье»* [15, с. 34]. На первый взгляд создается впечатление, что писатель изображает иудеев не только, как религиозных врагов православных казаков, но и открыто презирает их всей душой. Автор якобы лишает представителей иудейской веры всех человеческих чувств и наделяет таким карикатурными чертами, которые могут вызывать лишь пренебрежение и отвращение: *«... кричал один, высокий и длинный, как палка, жид, высунувши из кучи своих товарищей жалкую свою рожу»* [15, с. 40].

Колоритно изображая иудейские дома, автор сравнивает их с грязью: *«Эта улица чрезвычайно походила на вывороченную внутренность заднего двора. Солнце, казалось, не заходило сюда вовсе. Совершенно почерневшие деревянные дома, со множеством протянутых из окон жердей, увеличивали еще более мрак. Изредка краснела между ними кирпичная стена, но и та уже во многих местах превращалась совершенно в черную. Иногда только вверху оштукатуренный кусок стены, обхваченный солнцем, блистал нестерпимо для глаз белизной. Тут все состояло из сильных резкостей: трубы, тряпки, шелуха, выброшенные разбитые чаны. Всякий, что только было у него негодного, швырял на улицу, доставляя прохожим возможные удобства питать все чувства свои этою дрянью»* [15, с. 40].

Для описания дома Янкеля Гоголь находит такие слова: *«Он [Тарас Бульба] прямо подвехал к нечистому, запачканному домишке, у которого небольшие окошки едва были видны, закопченные неизвестно чем; труба заткнута была тряпкой, и дырявая крыша вся была покрыта воробьями. Куча всякого сору лежала перед самыми дверьми. Из окна выглядывала голова жидовки, в чепце с потемневшими жемчугами»* [15, с. 51]. Самому Янкелю автор дает следующую характеристику: *«Этот жид был известный Янкель. Он уже очутился тут арендатором и корчмарем; прибрал понемногу всех окружных панов и шляхтичей в свои руки, высосал понемногу почти все деньги и сильно означил свое жидовское присутствие в той стране. На расстоянии трех миль во все стороны не оставалось ни одной избы в порядке: все валилось и дряхло, все порастивалось, и осталась бедность да лохмотья; как после пожара или чумы, выветрился весь край. И если бы десять лет еще пожил там Янкель, то он, вероятно, выветрил бы и все воеводство»* [15, с. 51].

Наиболее показательным в повести является рассказ казаков о безобразиях, которые творили иудеи на Украине: *«жидовки шьют юбки из поповских риз»* [15, с. 48], *«... жида арендуют православные церкви»* [2, с. 49]. И как результат такого поведения иудеев – разгневанная православная толпа *«ринулась на предместье с желанием перерезать всех жидов»* [15, с. 49].

Как показывает автор, иудеи не только приспособились к жизни по соседству с запорожцами, но и выгодно использовали вольный казачий нрав для собственной выгоды. Именно психология нувориша, которая ярко и пронизательно раскрыта в образе Янкеля, наиболее отталкивала казаков-христиан от «братских» отношений с торгашами-иудеями. В этом контексте характерным является диалог Янкеля и Тараса во время казачьего сбора в поход. Автор отмечает, что, хотя прошло немного время после того, как Бульба спас Янкеля от гнева казаков-товарищей и верной смерти, этот иудей, не принимая во внимание угрозу жизни, не убежал, а начал готовиться к будущим торговым сделкам с казаками: *«Пусть*

пан только молчит и никому не говорит: между казацкими возами есть один мой воз; я везу всякий нужный запас для казаков и по дороге буду доставлять всякий провиант по такой дешевой цене, по какой еще ни один жид не продавал ... Пожал плечами Тарас Бульба, подивившись бойкой жидовской натуре, и отъехал к табору» [15, с. 32].

В повести Гоголя иудеи изображаются как кровопивцы, для которых главное – деньги: «Жид тотчас схватил полотенце и накрыл им червонцы. – Ай, славная монета! Ай, добрая монета! — говорил он, вертя один червонец в руках и пробуя на зубах» [15, с. 102].

В романе «Айвенго» имидж иудея также связан со скупостью и ненасытностью. В частности, один из разбойников, во время нападения на Гурта, не поверив в его рассказ о финансовой помощи Исаака, отметил: «*Bethink thee, man*», said the Captain, «*thou speakest of a Jew – of an Israelite, – as unapt to restore gold, as the dry sand of his deserts to return the cup of water which the pilgrim spills upon them*». «*There is no more mercy in them*», said another of the banditti, «*than in an unbribed sheriff's officer*» [13, с. 102]. Почти все герои романа считают иудеев обдиралами, «пауками, которые высасывают кровь» и которых следует уничтожать: «*spiders are stooed, while they quietly sit on corners, but as only they will get out on light - they are pressed*» [14, с. 77]. Для многих героев романа иудеи – коварный, однако финансово обеспеченный, зажиточный народ, отношения с которым нужны лишь в минуты крайней необходимости. Хотя законы государства и здравый человеческий смысл должны были бы защищать иудеев, в действительности – они изображаются бесправными и беззащитными: «*you have cause for your terror, considering how your brethren have been used, in order to extort from them their hoards, both by princes and nobles*» [14, с. 78]. Поэтому не удивительно, что Исаак всегда чего-то боится и перед всеми склоняется, ведь в те времена «*for, except perhaps the flying fish, there was no race existing on the earth, in the air, or the waters, who were the object of such an unintermitting, general, and relentless persecution as the Jews of this period*» [14, с. 78].

В романе Вальтера Скотта, невзирая на то, что иудейский народ постоянно испытывал гонения и унижения, иудейка Ревека не только не скрывает, но даже гордится своим происхождением, она готова отстаивать и защищать свою веру ценой собственной жизни: «*I can die for it (religion), if it be God's will*» [14, с. 232]; «*I may not change the faith of my fathers like a garment unsuited to the climate in which I seek to dwell*» [14, с. 237]. Гоголь же отмечает, что иудеи были трусливы и лишены чувства собственного достоинства: «*Бедные сыны Израиля, растерявши всё присутствие своего и без того мелкого духа, прятались в пустых горелочных бочках, в печках и даже заползати под юбки своих жидовок; но казаки везде их находили*» [15, с. 40]. По словам автора, ради спасения собственной шкуры иудеи готовы продать даже своих побратимов. Чудесным примером является самоспасение Янкеля: «*Те совсем не наши, те, что арендаторствуют на Украине! Ей-богу, не наши! То совсем не жиды: то черт знает что! То такое, что только поплевать на него, да и бросить!*» [15, с. 40].

В отличие от Гоголя Вальтер Скотт изображает иудеев не только как бесстыжих ростовщиков, а как людей, владеющих глубокими знаниями в медицинской науке и практикующих с таким успехом, что в случае тяжелого ранения или болезни монархи и могучие бароны обращались именно к лекарям презираемого ими племени. Автор подчеркивает, что иудеи не пытались опровергать слухи об их отношениях со сверхъестественными силами из-за того, что эти слухи никоим образом не могли обогнать христианскую ненависть к ним, но способствовали менее презрительному отношению к ним. Однако, принимая во внимание некоторые невероятные исцеления ими тяжелых болезней, можно быть уверенными, что иудеи действительно владели тайнами исцеления, которые передавали из поколения в поколение и тщательно скрывали от христиан, среди которых они жили.

У В. Скотта наилучшие и самые достойные черты в имажотип иудея вносит Ревека – дочь Исаака. Она выделяется не только своей образованностью в разных сферах, но и утонченной красотой: «*The brilliancy of her eyes, the superb arch of her eyebrows, her well-formed aquiline nose, her teeth as white as pearl, and the profusion of her sable tresses, which, each arranged in its own little spiral of twisted curls, fell down upon as much of a lovely neck and bosom as a simarre of the richest Persian silk, exhibiting flowers in their natural colors embossed upon a purple ground, permitted to be visible – all these constituted a combination of loveliness, which yielded not to the most beautiful of the maidens who surrounded her*» [14, с. 69]. Соответственно на этот образ реагируют и христиане: «*this is no Jewess! But an angel from heaven*», «*a pearl of Zion*» – говорит о Ревеке Гурт; «*The Rose of Sharon and the Lily of the Valley*» – заключает приор Эймер; «*Fair flower of Palistine*» – слова Буагильбера [14]. Бесспорно, ее образ вызывает у читателей сочувствие и симпатию.

Пренебрежение к иудеям не скрывает ни один из героев повести Гоголя. Тарас Бульба называет их собаками, изменниками, лгунами и тому подобное: «*– Врешь, чертов Иуда! <...>. – Врешь, собака! Ты и Христа распял, проклятый Богом человек. Я тебя убью, сатана! Утекай отсюда, не то – тут же тебе и смерть!*» [15, с. 70].

В романе В. Скотта отношение христиан к Исааку также пренебрежительное, порою даже грубое. Такое отношение к иудеям в средневековой Европе было обыденным, и не является выдумкой автора, ведь в конце XII века соплеменники Исаака были изгнаны из Британского королевства. В течение следующих веков их существование в Англии было не только унижительным, но и полузаконным [14, с. 476]. Первое, что поражает читателя – это отношение христианских священников

к Исааку. Такие выражения как «безбожный пес», или «проклятый лгун» нередко соскакивают с уст святых отцов [14]. Однако сам Айвенго относится к иудеям с пониманием и сочувствием даже тогда, когда ему «не подобает» сближаться с ними более, чем того требуют обстоятельства [14]. Для того, чтобы вызвать у читателей сострадание к Исааку, Вальтер Скотт описывает настоящую юдофобию: «*Old thou mayst be*», replied the knight «*more shame to their folly who have suffered thee to grow grey in usury and knavery*» [14, с. 210].

Безусловно, с одной стороны, Исаак изображен как жадный и эгоистичный, с другой – как любящий отец, простодушный и добрый человек. Он любит деньги, однако не жалеет их на освобождение дочери и на помощь христианскому рыцарю. Следовательно, имаготип иудея автор подает многогранным, не таким односторонним, как изображали иудеев во времена Средневековья.

У Гоголя также достаточно красноречивой является попытка Янкеля спасти Остапа, и не зря именно к нему обратился Бульба за помощью. Но в этом случае, основным мотивом выступает жадность. Когда иудей увидел Тараса: «*так и бросились жиду прежде всего в глаза две тысячи червонных, которые были обещаны за его голову*» [15, с. 93]. Разумеется, Тарас Бульба побуждает Янкеля на благое дело за щедрое денежное вознаграждение. Хотя здесь и можно рассуждать о том, чего больше в поступках Янкеля – благодарности Тарасу за спасение от разгневанных запорожцев, или обычного сочувствия, важно лишь одно – в душе Янкеля человеческое побеждает алчность и корысть: «*он постыдился своей корысти и силится подавить в себе вечную мысль о золоте, которая, как червь, обвивает душу жиды*» [15, с. 394].

Создавая образ Исаака, В. Скотт стремился разрушить стереотип иудейской трусливости. Исаак проявляет такие черты, как решительность и чувство собственного достоинства, когда отказывается платить выкуп за дочь, пока не удостоверится в ее безопасности. Это проявление поражающего мужества и бесстрашия, ведь его ожидают более ужасные пытки, чем денежная потеря: «*- I will pay thee nothing – not one silver penny will I pay thee, unless my daughter is delivered to me in safety and honor! - Art thou in thy senses, Israelite?*» said the Norman, sternly – *'has thy flesh and blood a charm against heated iron and scalding oil?'* - *I care not!*» said the Jew, rendered desperate by paternal affection; *'do thy worst. My daughter is my flesh and blood, dearer to me a thousand times than those limbs which thy cruelty threatens*» [14, с. 181]. Кроме того, Исаак не лишен чувство благодарности. Это проявится в случае бескорыстного спасения христианского рыцаря: «*The Jew twisted himself in the saddle, like a man in a fit of the colic; but his better feelings predominated <...> «Holy Abraham!» he exclaimed, «he is a good youth, and my heart bleeds to see the gore trickle down his rich embroidered hacqueton, and his corslet of goodly price – but to carry him to our house! – damsel, hast thou well considered? – he is a Christian, and by our law we may not deal with the stranger and Gentile, save for the advantage of our commerce. <...> Nevertheless, the good youth must not bleed to death. Let Seth and Reuben bear him to Ashby*» [14, с. 89].

В повести Н. Гоголя имаготип иудея является «чужим» и враждебным относительно имаготипа «своего» – христианской «души», антиподом казацкой самобытности и традиционным социальным принципам христиан. Выявлений же в романе Вальтера Скотта «Айвенго» религиозный имаготип иудея, хотя во многом и отображал самосознание европейцев средневековья, их ощущение собственной этнической и религиозной идентичности, в то же время подается более глубоким, многогранным и толерантным, чем у Н. Гоголя.

Как показало время, роман «Айвенго», будучи самым популярным романом первой половины XIX века во многом изменил общественное сознание и устоявшийся религиозный имаготип иудея в Европе, который начал восприниматься читателем уже не как имаготип «Чужого», а как имаготип «Другого», вызывая в большей степени симпатию и заинтересованность, а не презрение и ненависть, как у читателя повести «Тарас Бульба».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Фінберг Л. Українсько-єврейські взаємини: історична міфологія, яка перемагає інтелектуалів // Дух і Літера. – 1998. – №3-4. – С. 137-146.
- 2 Beller M. Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters [a critical survey]. – Amsterdam – New York : Editions Rodopi B.V., 2007. – 476 p.
- 3 Dyserinck H. Imagology and the Problem of Ethnic Identity [Електронний ресурс] // Intercultural Studies. – 2003.
- 4 Leerssen J, Imagology: a Handbook of the Literary Representation of National Characters. – Rodop, 2007. – 496 p.
- 5 Cadot M. L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française (1839 – 1856). – Paris : Fayard, 1967. – 641 p.
- 6 Будний М. Порівняльне літературознавство. – К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008. – 430 с.
- 7 Warrag I. Sir Walter Scott's Crusades and Other Fantasies. – London: New English Review Press, 2013. – 277 p.

- 8 Watt J. Scott, the Scottish Enlightenment, and Romantic Orientalism // Scotland and the Borders of Romanticism. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 94-112.
- 9 Наливайко Д.С. Очима Заходу: Рецепція України в Західній Європі XI-XVIII ст. – К.: Основи, 1998. – 580 с.
- 10 Riley-Smith Jonathan. The Crusades, Christianity, and Islam. – New York: Columbia University Press, 2008. – 136 p.
- 11 Орехов В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге). – Симферополь: АнтикВА, 2006. – 608 с.
- 12 Дудаков С. История одного мифа: Очерки русской литературы XIX-XX вв. – М.: Наука, 1993. – 285 с.
- 13 Пржецлавский О. Воспоминания // Русская старина. – 1883. – № 14. – С. 488-489.
- 14 Scott W. Ivanhoe. – Penguin Books : Harmondsworth, 1986. – 511 p.
- 15 Гоголь М. Собрание художественных произведений: в 3 т. – М., Издательство Академии наук СССР, 1951. – Т.2. – 527 с.

REFERENCES

- 1 Finberh L. Ukrainsko-yevreiski vzaemny: istorychna mifolohiya, yaka peremahaie intelektualiv // Dukh i Litera. – 1998. – №3-4. – S. 137-146.
- 2 Beller M. Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters [a critical survey]. – Amsterdam – New York : Editions Rodopi B.V., 2007. – 476 p.
- 3 Dyserinck H. Imagology and the Problem of Ethnic Identity [Электронный ресурс] // Intercultural Studies. – 2003.
- 4 Leerssen J, Imagology: a Handbook of the Literary Representation of National Characters. – Rodop, 2007. – 496 p.
- 5 Cadot M. L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française (1839 – 1856). – Paris : Fayard, 1967. – 641 p.
- 6 Budnyi M. Porivnialne literaturoznavstvo. – К.: Vydavnychi dim «Kyievo-Mohylianska akademija», 2008. – 430 s.
- 7 Warraq I. Sir Walter Scott's Crusades and Other Fantasies. – London: New English Review Press, 2013. – 277 p.
- 8 Watt J. Scott, the Scottish Enlightenment, and Romantic Orientalism // Scotland and the Borders of Romanticism. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 94-112.
- 9 Nalyvaiko D. Ochyima Zahodu: Retseptsia Ukrainy v Zahidnii Yevropi XI-XVIII st. – К.: Osnovy, 1998. – 580 s.
- 10 Riley-Smith Jonathan. The Crusades, Christianity, and Islam. – New York: Columbia University Press, 2008. – 136 p.
- 11 Orehov V. Russkaja literatura i nacional'nyj imidzh (Imagologicheskij diskurs v russko-francuzskom literaturnom diaoge). – Simferopol': AntikvA, 2006. – 608 s.
- 12 Dudakov S. Istoryia odnogo mifa: Ocherki russkoi literatury XIX-XX vv. – М.: Nauka, 1993. – 285 s.
- 13 Przheclavskij O. Vospominanija // Russkaja starina. – 1883. – № 14. – S. 488-489.
- 14 Scott W. Ivanhoe. – Penguin Books : Harmondsworth, 1986. – 511 p.
- 15 Gogol M. Sobranie khudozhestvennyh proizvedenij: v 3 t. – М., Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1951. – Т.2. – 527 s.

ТҮЙІН

Т.О. Левицкая

Иван Огиенко атындағы Каменец-Подольский ұлттық университеті (Украина, Каменец-Подольский қ.)

Иудей имаготипі: Вальтер Скоттан бастап Николай Гогольге дейін

Компаративистика – имагологияның ең жаңа салаларының бірін зерттеудің жаңа әдістерін қолдана отырып, мақала авторы В. Скоттың «Айвенго» романындағы және Н. Гогольдің «Тарас Бульба» повесіндегі иудей имаготиптерінің тарихи, мәдениеттанымдық, әлеуметтік және психологиялық аспектілерін зерттейді.

Түйін сөздер: *имагология, иудей имаготипі, романтизм, роман, Жат бейнесі, Вальтер Скотт.*

RESUME

T. Levytska

Kamenets-Podolskiy National University named after Ivan Ogienko (Kamenets-Podolskiy, Ukraine)

Imagotype of a Jew: from Walter Scott to Nikolay Gogol

Using the latest methods of one of comparative literature branches, i.e. imagology, the author investigates historical, cultural, sociological and psychological aspects of imagotype of a Jew in W. Scott's novel "Ivanhoe" and N. Gogol's novel "Taras Bulba".

Key words: *imagology, imagotype of a Jew, romanticism, novel, image of Other by Walter Scott*

УДК 316

Н.С. Сеитова

Инновационный Евразийский университет (г.Павлодар)

E-mail: nurgul@bk.ru

Влияние урбанизации на этнокультурные процессы

Аннотация. *В статье рассматриваются традиционные социокультурные ценности в условиях урбанизации, характеризуются тенденции развития этнокультурных процессов. На основе проведенного лингвосociологического исследования анализируются особенности сохранения элементов традиционной обрядности, выявляются этнокультурные ориентации и уровень знания отдельных элементов национальной культуры. Автором рассмотрен переход антропонимов и других имен собственных в разряд урбанонимов – процесс, отражающий исторические, общественные, политические и культурные преобразования. Урбанонимы входят в разряд имен собственных, являются опорными точками в межъязыковой коммуникации, тем самым в изучении иностранного языка и переводе с него. Отражая определенную историческую эпоху, урбанонимы помогают проследить историю развития города и являются источником ценной лингвистической и страноведческой информации. На примерах рассмотрено возникновение различных урбанонимов на материале английского, казахского и русского народа (названия улиц).*

Ключевые слова: *этнолингвистика, ономастическое пространство, урбанонимы, лингвокультурология, традиция, культура народа, язык, топонимика.*

Этническая история любого народа предстает сложным и многоаспектным процессом. Кроме собственно культурных традиций, выработанных в процессе адаптации к условиям проживания, каждый народ в той или иной степени приобретает черты, заимствованные от этносов, с которыми устанавливает близкие отношения. Изучение тенденций взаимодействия культур, процессов и результатов этнолингвокультурных контактов, зафиксированных в топонимии, по-прежнему остается актуальным и перспективным.

Взаимодействие народов по-разному проявлялось в их этнокультурной истории, затрагивая язык и духовную культуру, хозяйственную деятельность и материальную жизнь. В полиэтничных регионах при сохранении своеобразия культуры нередко возникают общие ее черты. Наряду с языком, самосознанием, характером и представлениями об окружающем мире этнические особенности многообразно проявляются в традиционной народной культуре.

Социально-экономические, культурные, этнические и языковые контакты разных народов как в далеком прошлом, так в нынешнем настоящем - многогранная проблема для специалистов различных наук: лингвистов, историков, психологов, социологов, политологов, этнографов, археологов и др. Материалы каждой из этих дисциплин дают научно обоснованные знания о последовательности этнических перемещений и сдвигов, о типах скрещений и ассимиляций народов и языков, о языковой принадлежности предшественников современного населения на различных территориях и т.д. Они позволяют вместе с тем сопоставить различные точки зрения на одну проблему и сделать более стройной, логичной и доказательной конкретную разработку как языкового, так и историко-этнографического плана. Стало актуальным обсуждение лингвистического статуса этих наименований, а также изучение тех тенденций и процессов в сфере словообразования и семантики, которые определяют развитие данной подсистемы в ономастике в целом. Городские названия также вызывают интерес и как лингвокультурные знаки, свидетельствующие об историко-культурном наследии страны и региона.

Одно из новых перспективных направлений лингвистических исследований в настоящее время представляет собой этнолингвистика. Она предполагает рассмотрение ономастического пространства не только в плане языка, но и через другие формы и субстанции, где выражает себя коллективное сознание, народный менталитет, сложившаяся в том или ином этносе картина мира, т.е. через виды, жанры и формы народной культуры. Другими словами, главная идея этнолингвистики в плане ономастики – это показать ее содержательный (семантический) план в связи с традиционной духовной культурой и единством всех жанров и форм, т.е. то, как одни и те же смыслы выражены не только в аппеллятивах, но и